

"Фоторобот"

Размышления "[у парадного подъезда]" современной школы

Опытные педагоги знают, что в жизни школы бывают такие периоды, когда понять происходящее в ней реально невозможно. "Ситуация-а-а...", — выразительно тянет, оглядываясь, директор, и это невольное движение, став публичным, однозначно сигнализирует школьному сообществу: потеряно управление.

Такой сигнал — плохой знак. Растерянность руководства мгновенно распространяется на весь педагогический коллектив, захватывает учеников, подобно эху, многократно отражается во всеобщих пересудах, неконтролируемо усиливается, искажается и, как бумеранг, возвращается к своей исходной точке. В результате школу "штормит", причины и следствия неблагоприятно смешиваются, а любое конструктивное действие мгновенно превращается в свою противоположность, повергая всех в уныние и отчаяние.

Зная о такого рода "стихийных бедствиях", школьная администрация всегда начеку, поскольку "средняя температура по госпиталю" — это ироническая метафора только для медицинских работников. Для учителей же общешкольный климат, коллективное настроение, атмосфера — показатели хотя и усредненные, но вполне определенные и чаще всего рукотворные. В деле их создания, наверно, есть и вполне заслуженные авторитеты. Однако жизнь не всегда соответствует "целесообразной" педагогике, и уж тем более не всегда следует педагогическим правилам.

Вот такая история случилась недавно в одной из минских школ. Ее поведал автору статьи директор школы...

Обычный день. Привычная череда уроков, ритуальный порядок перемен и внеурочных мероприятий. В учительской натренированный взгляд директора скользит по классным журналам, занимающим свои ячейки в строгом соответствии с нумерацией, по столам учителей со столбиками готовых к проверке тетрадей. Ничего лишнего. В коридорах — радующая глаз чистота. Приятно шелестят новенькие, недавно подаренные шефами шторы. На первом этаже у входа робко мутится к стенам родители провинившихся учеников. В глубине школьного двора, из-за крыши недавно построенной теплицы, вьется дымок сигарет, выдавая местонахождение последнего оплота сопротивления установленному порядку. Словом, картина нормальной школьной жизни...

И все же что-то не так. За много лет административной работы директор настолько слился со школой, что стал единым с ней организмом. Любые сбои, неполадки в работе хорошо отлаженного механизма он научился замечать задолго до того, как ему сообщал о них дежурный завуч, врач или зашедший по случаю милицкий инспектор. Вот и сегодня что-то особенное витает в школьной атмосфере, заявляет о себе ощущением "не-

таковости", наличием чего-то, что не совпадает с размеренностью учебного процесса.

Установить источник возникшего дискомфорта сразу не удастся, и директор начинает испытывать раздражение — верный признак надвигающейся неопределенной угрозы. Завуч начальных классов (увы!) не проясняет картину, но хотя бы обрисовывает это странное "не-что". По ее словам, на уроках с утра незаладилась. Все учителя жалуются на массовое снижение интереса к учебе. Отвечает, например, ученик у доски, а сам все время поглядывает в окно. Видно, что он "не здесь". Или, допустим, объясняет учитель новый материал — известно, что при этом очень важно видеть глаза детей. А как можно что-либо рассказывать, когда никто не смотрит на тебя? Чему можно научить, когда пролетевшая за окном птичка или случайно скрипнувшая дверь разом перечеркивает все твои методические находки? Замечания действуют, но, увы, недолго.

Ближе к обеду с аналогичными жалобами в директорский кабинет потянулись учителя средних и даже старших классов. "Конечно, — размышлял директор, — "витание в облаках", отвлеченность от происходящего на уроке — явление далеко не редкое в нашей учебной жизни, однако всегда единичное. Но чтобы не один и не два ученика, а целый класс и даже чуть ли не вся школа сразу вели себя демонстративно неподобающим образом?! Такого без особой причины быть не может. Скорее всего, мы имеем дело с изощренным, направляемым изнутри саботажем. А если так, следует искать зачинщиков..."

В этом месте позволим себе прервать наш рассказ и попытаемся проанализировать ход рассуждений директора, приведших в итоге к началу активной деятельности многих людей, причастных к описываемому событию. Проследим этапы принятия руководителем школы управленческого решения — в них обнаруживается определенная последовательность, на которую хочется обратить внимание читателя.

На что первоначально направляет свои умственные усилия администратор? Конечно же, как в подобном положении поступил бы каждый, на построение целостной картины происходящего. Целое, гласит один из системных законов, определяет порядок и значение входящих в него частей. Смысл фрагментов произведения живописи, например, связан с его общей композицией, а музыкальных звуков — с их темой или мелодией. В свою очередь, порядок организации педагогической деятельности принято определять посредством педагогической цели, формирующей горизонт ее целостности. Способов создания целостностей множество, и они различны по своим следствиям. Целостности, укорененные в прошлом, т. е. базиру-

сидят на памяти, обеспечивают преемственность человеческого опыта, его типичность, а относящиеся к будущему — основываются на воображении и фантазии, стимулируют опытные трансформации, вызывают

жизни их вариативность и уникальность. Каким же образом создает целостность своего по- и маня герой нашего рассказа? В его размышлениях необходимо выделить несколько важных моментов.

Первый: в процессе осмысления ситуации директор школы обращается к прецеденту, имевшему место в прошлом, к некоему образцу, подобно. "Отвлеченность от происходящего на уроке, "вitanие в облаках", — явление далеко не редкое в нашей учебной жизни", — поворит он себе. И, произнося эти слова, директор как бы вызывает к жизни определенное представление — застенчивого ученика, намеренно или произвольно мержущего нить изложения, в результате чего в нормальном течении учебного процесса происходит сбой.

Это представление играет важную для дальнейших размышлений роль. Размещая на его фоне "изображения" различных характеристик понимаемого события, директор видит, что нездоровье детей, расстройство внимания, неспособность сопротивляться внешней помехе — гипотезы, скорее всего, непродуктивные по причине массовости происходящего. "Чтобы не один и не два ученика, а целый класс, и даже чуть ли не вся школа сразу, вели себя демонстративно неподобающим образом..." Здесь можно выделить второй момент в размышлениях нашего героя — сравнение новых фактов с прецедентом. В ходе этого сравнения он квалифицирует ситуацию как аномальную, не соответствующую матричному образцу. Но поскольку несоответствие должно иметь конкретную причину, и она, согласно логике рассуждения, укоренена в индивидуальной психике отдельных людей, то общий вывод напрашивается сам собой.

Этот вывод — третий момент в директорских размышлениях, результирующий его инсайт: "Скорее всего, мы имеем дело с изощренным, направляемым изнутри саботажем. А если так, то следует искать зачинщиков", /так, по вполне понятным причинам (инсайт по своей психологической природе единомоментен, скачкообразен, связан со становлением в его результате общей Оормы понимания), у нас нет в достаточном количестве иллюстративного материала, однако есть суммирующее открытие-заключение директора — мы имеем школьный заговор. Этот итог рассуждений прекращает неопределенность и формирует предпосылки для последующих административных и педагогических действий. Осмысление директором ситуации завершает второй круг, возвращаясь к исходной точке — человеку.

На целую неделю педагогический персонал школы превратился в следственную бригаду, данные результатов работы которой стекались в оперативный штаб, где возглавлявший его директор по крупницам, частицам, едва заметным штрихам уточнял контуры сложившейся з его "хозяйстве" ситуации. Собранные данные, к его изложению, свидетельствовали о том, что источник всеобщего беспокойства находится вне школы. Получается, что в районе школы действует некая таинственная группа, отслеживающая и фотографирующая школьников. При этом как первое, так и второе злоумышленники

делают не лично, а при помощи специального технического устройства, именуемого "фотороботом". Конечно, не исключено, что "фоторобот" действует самостоятельно и никаких стоящих за ним темных сил на самом деле нет. Но эту мысль просвещенное сознание директора сразу отбросило, вследствие чего в "деле" появились и "преступная группа", и "техническое устройство".

Как утверждали опрошенные, те из детей, кого "фоторобот" сумеет сфотографировать, будут тем самым помечены невидимым и несмываемым знаком, превращающим их в вечных рабов "фоторобота". Спастись от него, как оказалось, было можно — следовало только отвернуться, спрятаться или вовремя закрыть глаза. Для этого, понятно, необходимо было увидеть "фоторобота" раньше, чем он тебя. Фотографии школьников с закрытыми глазами, их спины и затылки почему-то фотograфа не интересовали.

Попытки следственной бригады обнаружить в школе хотя бы одну жертву "фоторобота" ни к чему не привели, хотя очевидцами его "налетов" были чуть ли не все опрошенные ученики. По всей видимости, "фоторобот" имел свойство оборотня, т. е. мог мгновенно превращаться в кого угодно или во что угодно. В рассказах ребят он фигурировал то в качестве летающей металлической машины, то в виде мрачного субъекта в шляпе, а то являл собой знаменитую "мельницу", только с руками и огромной пастью. "Вещдоки" по делу, представленные множеством детских рисунков, громоздились на директорском столе, с трудом помещаясь на довольно большом его пространстве. "Чушь какая-то, — бормотал, перебирая листки, директор. — Они просто водят меня за нос".

Наконец, к концу недели, несмотря на то, что неуловимый "фоторобот" продолжал делать свое черное дело, добавив к арсеналу уже используемых средств SMS-сообщения и электронную почту, педагогический совет школы сумел собраться с силами и выработать в отношении чрезвычайной ситуации принципиальную и согласованную позицию.

Она состояла в том, что, во-первых, никакого "фоторобота", равно как и преступной группы, отслеживающей и фотографирующей детей, в природе не существовало, не существует и не может существовать. Во-вторых, "фоторобот" имеет внутреннюю природу, близкую к природе бытующих в школе и за ее пределами игр ("Замри!", догонялки или морской бой), но является более масштабной, навязчивой и разрушительной игрой. В-третьих, широкое внутришкольное распространение этой плохой игры стало возможным благодаря влиянию группы неуспевающих и недисциплинированных школьников, "рекрутированных" всеобщем, готовых использовать любой повод для того, чтобы не учиться. Именно они "заводят" всех остальных учащихся, нагнетая взрывоопасную обстановку.

"Таким играм не место в учебном заведении", — подвел итоги авторитетный педагогический консилиум, после чего на общем родительском собрании директор объявил в школе "чрезвычайное положение". Призвав всех собравшихся к единению в борьбе с недопустимым проявлением недисциплинированности и безответственности, он живописно обрисовал непривлекательную картину такого проявления: срыв учебных занятий, конфликты учащихся с учителями и родителями, резкое ухудшение психического здоровья детей. Последний фактор ди-

